

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

РЗ1980

Дмитрий Донской

ОГИЗ · ГОСЛОЛИТИЗДАТ · 1943

В. Данилевский

рий Донской

I

1378 год.

В Москву к князю Димитрию Ивановичу прискакал гонец из Рязанской земли.

— Войско великое, княже, на Русь идёт. Мурзу Бегича послал Мамай на земли твои. Города и сёла жгут, людей русских убивают, жён и детей в полон берут. Разорили насильники землю Нижегородскую. Уже топчут кони вражеские поля рязанские. Хвалится Бегич до Москвы дойти, опустошить хочет всю землю Русскую.

Сказал так гонец и тихо добавил:

— А тебя, княже, хоть и не гоже говорить мне, тебя похваляется Бегич на аркане к Мамаю в Орду отвести.

Спокойно слушал грозные вести князь. Знал давно, что час решающий, час расправы с монгольскими ханами, рано или поздно, но должен притти.

— Силен враг,— говорили бояре, узнав про грозную весть, привезённую гонцом,— лют и неистов. Пошлём откуп. Золотом отведём прозу от земли нашей. Не было ещё никому победы над этим врагом. И не нам искать её. Против монгольского хана золото вернее, чем булат.

Усмехнулся князь. Взором орлиным видел далеко вперёд: Усмехнулся и промолвил:

— Примем бой. Время идёт рассчитывать с врагом за долгие годы страданий Руси. Пусть меч нам будет судьёй.

На всей Руси лежало тяжёлое ярмо монгольского ига. Да к тому же ещё росли междоусобицы среди русских князей. Всем памятно было, как после борьбы князя Димитрия с князем Михаилом Тверским за великокняжеский престол налетели из степи ватаги вражеские опустошать те земли, что посылали в помощь Димитрию ополчение против Твери.

Сердит был тогда хан за то, что Димитрий Иванович своей волей наводить стал твёрдый порядок на Руси и заставил Михаила Тверского, склонявшегося на сторону Орды, отказаться от притязаний на великое княжение. Лютым гневом наливались глаза ястребиные у Мамайя при мысли, что князь Димитрий Иванович стал великим князем и властно берёт под свою руку всю землю Русскую. Видел хан, что набирает князь Димитрий силу великую, что русские люди скоро преградят путь на землю свою степным насильникам.

Ещё в 1365 году пришлось татарскому хану Тогаю с позором бежать в степи. Летопись о Тогае говорит, что захотел он «воевати Русь и собрався со всею силою своею... и поиде ратью многою на Рязанскую землю...» Захватил тогда Тогай Переяславль Рязанский. Город выжег, мечу и огню предал сёла и волости рязанские. Но напали на Тогаю дружины пронские, рязанские и козельские. Пришлось Тогаю бросить всё. Едва успел он с недобитыми остатками рати своей бежать в степь.

Мамай не раз пытался проучить потом русских за расправу над людьми его.

И вот князь Димитрий решает преградить путь татарским полчищам на Русскую землю. В 1373 году снарядил он и повёл рать свою на южные рубежи. Летописец пишет, что в то время князь московский Димитрий Иванович «собрався со всею силою своею и стояше у реки Оки на бреже и татар не пустиша и всё лето там стояше». Долго стоял тогда на Оке Димитрий Иванович, пока татары, не отважившись вступить в бой, не повернули обратно в степь.

Ещё свежа была память о том, как царевич Арапша (Араб-паша) из Синей Орды разгромил наголову нижегородцев, суздальцев и москвичей. В сече жестокой с внезапно налетевшим врагом polegло тогда много удалых голов. Напоил враг русской кровью воды Пьяны-реки.

Прошло немного времени, и татары повторили свой набег, на этот раз на Рязанскую землю. У реки Вожи, притока Оки, русское войско встретило врага. Несметные полчища Мурзы Бегича выстроились по другую сторону реки: Так стояли они день, другой, разделённые рекой. Не вытерпел надменный мурза. Повёл свою рать через Вожу-реку. Горячились боевые кони в стане Димитрия. Рвались в битву русские воины, поднявшиеся на защиту родной земли. Но терпелив был перед боем горячий в бою князь: Решил он: пусть переходит враг через Вожу, труднее будет ему потом отступать через реку. Татарские полчища ринулись на противоположный берег. Грянул бой. На правый и левый фланги врага двинулись полки полоцкого князя Андрея Ольгердовича и пронского князя Данилы. В лоб ударил врагу сам великий князь Димитрий Иванович.

Короток был бой. Враг бежал, дружным натиском смятый и отброшенный за Вожу-реку.

Пришлось тогда усердно поработать и русскому копьё и русскому мечу. Заалела вода от крови вражеской.

Бросил враг все шатры и кибитки, бросил телеги свои; много в них награбленного добра нашли русские воины.

Широко растеклась по всей Русской земле слава о князе Димитрии Ивановиче. Песни стал складывать народ про удалое дело на Воже-реке. Зазвенели струны певцов русской свободы.

— Силен стал Московский князь, — говорил Бегич Мамаю. — Всех князей приводит под свою власть... Михаилу Тверскому быть бы теперь великим князем, да вырвал у него из рук великое княжение Димитрий. Олега Рязанского разбил и заставил подчиниться. Всех князей берёт Димит-

рий под сильную руку свою. А теперь поднимает руку против нас. Берегись, хан! Пойдут за ним люди русские, и конец тогда нашей власти над всеми землями славянскими. Надо бить Димитрия, пока не поздно, бить надо великого князя Московского насмерть.

Решил Мамай жестоко наказать землю Русскую. Поскакали гонцы собирать против Димитрия рать несметную.

Из приволжских степей и из Дикого Поля стали стекаться к Мамаю воины. Из безбрежных азиатских степей прискакали удалые конники с кривыми саблями. С суровых хребтов Кавказа приехали под стяг Мамаея лихие джигиты. На крепких степных скакунах прибыли ратные люди из Крымской земли. А из самой Кафы (Феодосии) пришли невиданные в степях генуэзские воины, закованные в заморские панцири. Пришли они из Солдайи (Судака), и из Гурзувиты (Гурзуфа), и из Алустана (Алушты). Послали своих воинов и гордые братья Гуаско, жившие в замке, руины которого и сейчас видны на высоком обрыве в Чобан-Куле.

Монгольская конница наводила страх на все народы с того времени, как удалось ей разбить на реке Калке русских князей и их союзников половцев. Храбро сражались тогда русские, но умело воспользовались монголы междоусобицей русских князей и разбили их каждого по отдельности. А затем Батый, племянник великого хана Угедэ, сына Чингисхана, пошёл со своими воинами на Русь, побывал за Карпатами, залил кровью венгерские и чешские земли.

С тех пор стала земля слухом полниться, что нет такой силы, которая сбросила бы господство монгола там, где прошёл его конь. Непобедимым считали тогда монгольский боевой порядок. Военачальники монгольские накопили большой опыт в построении войск к бою. Впереди у них становился сторожевой отряд-караул. За ним стоял манглай, или, как теперь мы говорим, авангард. Порой караул и манглай стояли в бою как одно целое. За ними стоял

центр войска. По обе стороны от центра стояли правое и левое крыло.

Хорошо было организовано монгольское войско. Много хитростей применяло оно в бою. Метко разили противника стрелы, пущенные на всём скаку твёрдой рукой монгольского воина. Лихие конники, они заманивали разгорячённого врага, чтобы затем внезапно разгромить его, растянув его строй, либо наведя на засаду.

Железный порядок был в войске монголов. Беспрекословно подчинялись в бою воины Мамаю приказаниям военачальников. Армия Мамаю по тому времени могла передвигаться очень быстро. Ни знойные пески пустыни, ни безбрежные равнины, ни крутые горы, ни широкие реки не могли преградить ей путь. Вместе с войском шли и осадные машины.

Велики были силы Мамаю. Казалось, ничто не могло их преодолеть. Но зоркий глаз князя Дмитрия Ивановича хорошо видел, что много есть слабых мест у врага. Знал Дмитрий Иванович, что споры и неурядицы всё сильнее раздирают Орду изнутри.

Знал и Мамаю, что многие мурзы, князья хотят уйти из-под его власти. Потому он и готовился так тщательно к походу. Хотел разгромить Русь, поставить на колени непокорного Дмитрия и победой объединить распадавшиеся силы Орды. Ему нужна была эта победа во что бы то ни стало. Она должна была решить вопрос, будет жить Орда или нет.

Грозная туча собиралась на низовых приволжских землях против русского народа. С востока и запада, с юга и севера прибывали к Мамаю новые и новые силы.

Звенели в Орде бунчуки¹, украшенные колокольчиками, увитые цветными лентами. Призывно гремели в степи барабаны и бубны. Сотни тысяч копий поднимались к небу вокруг мамаева шатра.

¹ Бунчук—конский или бычачий хвост, насаженный на украшенное древко.

Триста тысяч воинов насчитали мурзы, когда решили двинуться против Димитрия.

Застонала степь, копытами смятая. Тучей пыль поднялась, когда двинулось бесчисленное войско на Русь. Буйным лесом копий поросли просторы степные от Волги до самого Дона.

Засверкали на солнце шлемы и панцыри монголов, бессерменов, ясов, бургасов.

Клекотали орлы и беркуты, держа путь к Непрядвевеке.

Учуяли хищники, что готовится им пир великий, пир, какого ещё не бывало.

И человек и зверь чуяли, что смерть идёт из стана мамаева.

И вызов смерти принял русский князь.

II

Неторопливо вёл Мамай свою несметную рать. Заключение он договор с литовским князем Ягайлом, прогивником Москвы. Ягайло должен был присоединить свои полки к войску Мамаю, чтобы помочь ему разбить Русь.

Нашёл себе Мамай приспешника и на русской земле — чёрного предателя Олега Рязанского. Давние были споры у Олега с князем Дмитрием, даже воевать им пришлось за межи. Победил тогда Дмитрий Олега и выгнал его из стольного города, из Рязани. Потом, правда, они помирились, но Олег затаил вражду против Димитрия, мечтая усилить свою власть и богатство.

Узнал Олег Рязанский о том, что готовит Мамай поход на Русь, и поспешил послать к нему грамоту:

«Восточному вольному великому царю царей, Мамаю, посаженник твой и присяжник Олег, князь Рязанский, мно-

го молит тебя. Я услышал, господин, что ты хочешь итти и грозишься на твоего служебника Дмитрия, князя Московского. Теперь, всесветлый царь, приспело время злата и многих богатств. Князь Дмитрий, как только услышит имя твоё, убежит в далёкие места, или в Великий Новгород, или на Двину, а богатство московское будет в руке у тебя. А меня, Олега Рязанского, раба твоего, сподоби своей милостью».

Так писал предатель Олег, сидевший на рубеже Русской земли, в Рязанском княжестве, по которому должен был итти Дмитрий со своим войском навстречу Мамаю.

Олег писал и Ягайлу в Литву и призывал его скорее присоединиться к Мамаю против Дмитрия:

«Ты давно хотел прогнать Московского князя и овладеть Москвой. Теперь пришло время: Мамай идёт на него. Соединяйся с Мамаем. Посылай своих послов к нему с дарами. Сам знаешь лучше меня, как поступить».

Ничем не брезгал Мамай в своей ярости против Дмитрия. Поднимал всех, кого только мог, против Руси, готовя разгром её, похваляясь превратить в развалины города и сёла, опустошить всю землю Русскую.

Весной 1380 года подошёл Мамай к местам, где река Воронеж впадает в тихий Дон, и послал к Дмитрию своих людей.

— Покорись, князь! — говорили послы. — Иди в Орду, бей челом хану. Ещё не поздно, может быть, помилует он тебя. Да бери даров побольше. Пусть блеск золота умиловит непобедимого Мамаю. Только золото бери червонное, что сверкает, как солнце. Помни, что много надо золота, чтобы утишить гнев владыки, против которого ты, дерзновенный раб, осмелился руку поднять. Спасение одно тебе: одень рубище, опояши верёвкой шею и ползай и милости проси...

— Прочь! — прервал послов Дмитрий. — Прочь с земли Русской! Ступайте и скажите своему хану, что я не казнил вас за гордыню вашу только затем, чтобы вы могли ему,

сказать слово моё. Не боюсь угроз. Одно скажу врагу — иди на брань! Нас меч рассудит.

Летописец рассказывает, что ездил Димитрий за советом к Сергию, основателю Троицкой лавры.

— Почти дарами и честью Мамаю, — советовал Сергей князю Димитрию. — Господь увидит смирение твоё и вознесёт тебя, а его неукротимую ярость низложит.

Но сурово принял Димитрий советы старца, ещё более укрепился он в решении своём идти против Мамаю.

Не золотом, а мечом решил Димитрий укротить ярость врага. Силен был князь Димитрий нерушимой связью своей с русским народом. Всю жизнь свою посвятил он родной земле, собирая и укрепляя государство Русское. Твёрдо продолжал он дело, начатое дедом его Иваном Калитой, собирателем земли Русской.

Повезли гонцы грамоты по всем землям русским. Созывал великий князь Димитрий всех князей с дружинами, поднимал полки городовые, призывал готовиться к бою и стражу засечную, созывал всех русских людей на великий бой.

Сбор всего войска назначил великий князь в Коломне.

Стали сходиться отряды сперва в Москву.

Одним из первых пришёл со своей дружиной в Москву к Димитрию князь Иван Всеволодович Холмский, которого прислал от Тверской земли дядя его, князь Михаил Александрович.

Хороша была дружина тверская. Радовали сердце князя войны тверские, испытанные в боях. Но ещё более радовало другое. Ещё совсем недавно князь Тверской был врагом князя Московского и воевал с Димитрием за право великого княжения. Теперь понял князь Михаил, что настало время забыть старые семейные споры, прислал тверичей на подмогу, зная, что время пришло объединить все силы против общего врага, против врага всей Русской земли.

Одна за другой шли дружины в Москву под знамя борьбы за родину, поднятое князем Димитрием Ивановичем.

Пришли в Москву с дружинами своими князя Белозерские Фёдор Семёнович и Семён Михайлович. Привели сзых воинов князя Каргопольский, Устюжский, Ярославский и Ростовский. Пришли с удалыми бойцами князя Серпейский Лев и Прозоровский Роман. Шло в Москву ополчение за ополчением. Посылали города и сёла к Димитрию своих воинов — кто после призыва его, а кто и раньше, по своему почину. Сильна была воля народа защищать родину, силен был Московский князь доверием народа.

Собрались в Москве многие тысячи копейщиков и лучников. Немало съехалось конных отрядов; лучшие из них звались тогда «кованой ратью».

Сверкали на солнце мечи и сабли. Поднимались вверх железные и стальные копья. Немало было и сулиц — корогких метательных копий. Иные воины на плечах несли рогатины, а иные — и ослопы, как назывались палицы-дубины с тяжёлым концом, утыканным железными гвоздями, а то и просто окобанным железом.

Поработали в тот год на славу мастера Устюжины Железнопольской и Новгорода, Пскова и Тулы, Москвы и Коломны и других городов русских. Много выпало труда на долю русских оружейников, готовивших оружие и доспехи. Исправляли старые и готовили новые доспехи: дошчатые — зерцалы и латы, кольчатые — кольчуги и паяцыри, смешанные — колонтари. Для защиты рук, плеч и ног ковали сетки кольчужные — бармицы и зарукавья, пояжи и наколенники. Много тысяч щитов изготовили в тот год оружейники, великое множество шлемов и шишаков, мисюрок и колняков для защиты головы в бою.

Много было тогда среди рядовых воинов и таких, чьи доспехи состояли всего лишь из тегилея — насквозь простёганного кафтана, туго подбитого пенькой с добавкой иногда кольчужных и панцырных обрывков.

III

По призыву Дмитрия всколыхнулись волны народные: Старинное сказание «Задонщина» так повествует о том времени, когда готовились русские к походу против Мамайя:

«В Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской, в Коломне трубы трубят, в Серпухове бубны бьют, на берегу Дуная знамёна стоят, в Новгороде вечевой колокол сзывает».

Приближался час выступления в поход.

Трёх воевод, трёх крепких оружников послал князь Дмитрий к Быстрой Сосне, приказав разведать, где Мамай, каким путём идёт.

То были Родион Ржевский, Андрей Волосатый и Василий Тулик. Поскакали за вестями, и след их простыл. Слух прошёл — перебиты. Призвал тогда князь Климента Юленина, Ивана Святослава и Григория Судока и велел им ехать добывать поскорее вестей, чтобы не томиться в неведении.

Оружники встретили Василия Тулика, везшего «языка»: Пленный ордынец рассказал в Москве:

— Идёт наш хан, уж близко он. Но не спешит ещё Мамай, ждёт, пока соберутся к нему все, кого он призвал.

Воротились и другие разведчики князя Дмитрия, приехали гонцы от воевод, стоявших уже у рубежей земли Русской. Все на один лад сообщали:

— Идёт Мамай на землю Русскую, уверенный в несметных силах своих. Склонился к Мамаю князь Рязанский Олег. И Ягайло литовский стал с Мамаем заодно. Но ещё не спешит Мамай, ждёт осени, когда и кони будут в теле и войска Олега и Ягайла присоединятся к Мамаю.

Услышал о том князь Дмитрий, торопить стал соратников своих. Задумал он разбить Мамайя, пока ещё не соединился тот с союзниками.

20 августа 1380 года собрал князь Димитрий полки свои, чтобы выступить в поход.

На Красной площади вдоль Кремлёвской каменной стены, Димитрием Ивановичем воздвигнутой, выстроилось перед походом войско его.

Через Фроловские, ныне Спасские, ворота выехал великий князь на любимом коне. По правую руку от Димитрия Ивановича ехал храбрый воин, брат его двоюродный Владимир Андреевич князь Серпуховской.

Взором орла окинул Димитрий войско своё. Любовался русскими удалцами, опоясанными саблями, их крепкими и быстрыми конями. Московское летнее солнце весело играло на наборных бляхах коней. Сверкали острия бескрайнего леса копий. Как маков цвет, атели по всей Красной площади покрытые красной краской узорчатые щиты русских.

Горячо призвал князь Димитрий русских воинов разгромить врага, отвести беду лихую от родной земли.

— Лучше нам, братья,— говорил Димитрий,— положить головы свои, чем допустить, чтобы поганые взяли города наши, опустошили церкви и рассеяли нас по лицу земли. Не допустим, чтобы жёны и дети наши были отведены в плен на томление от поганых. Постоим за землю Русскую, разобьём врага!

Ответили князю воины:

— Мы поклялись положить жизнь свою, служа тебе и родине!

Затрубили трубы ратные, загремели бубны и варганы. Ржанье коней заглушило топот тысяч ног.

Двинулось ополчение на Коломну, чтобы оттуда вместе со всеми людьми русскими идти на смертный бой к Дону-реке.

Предание говорит, что в тот день собрались в златоверхом тереме княгиня Евдокия и воеводские жёны, глядели через слюдяные оконницы вслед мужьям своим. Говорила тогда Евдокия, заливаясь слезами:

— В последний раз смотрю я на князя своего!

Знали все русские женщины, что пошло войско на такой бой, какого ещё не бывало, знали, что много голов ляжет в неравном бою. Знали и благословляли шедших победить или умереть за родину.

За несколько вёрст до Коломны, у устья реки Северки, что впадает в Москву-реку, встретили князя Димитрия воеводы полков, собравшихся в Коломне.

В Коломне ждали великого князя полки: Переяславский — с воеводой Андреем Серкизом, Юрьевский — с воеводой Тимофеем Балувичем, Костромской — с воеводой Иваном Родионовичем, Мещерский — с воеводой князем Фёдором Елецким, Муромский — с князьями Юрием и Андреем, Коломенский — во главе с воеводой Микулой Васильевичем.

Въехал Димитрий в Коломну и назначил на следующий день смотр всем силам, поднявшимся на борьбу с Мамаем.

На том месте, где сейчас Девичье Поле, выстроилась 24 августа русская рать. Ещё никогда не собиралась на Русской земле такая сила, какую поднял против Мамаю князь Димитрий.

Димитрий Иванович, однако, хорошо знал, что хоть и велики его силы, но у Мамаю — вдвое больше.

И выбрал Димитрий единственный возможный путь к победе над превосходящим силой врагом. Он решил выступить быстро из Коломны и напасть на Мамаю, пока тот не успел соединиться со своими союзниками.

Построил князь войско своё в походный порядок. Впереди шёл передовой полк, за ним двигались главные силы, прикрытые с тыла.

26 августа выступило русское войско из Коломны. Повёл его Димитрий не прямо навстречу Мамаю. Слишком близко проходил прямой путь от Рязани, откуда изменник Олег мог ударить в левый фланг войска Димитрия и тем самым задержать его движение. Не страшен был Олег, страшна была задержка. Для прикрытия от Олега Димитрий послал заслон. Главные силы двинулись из Коломны

не на юг, навстречу Мамаю, а на юго-запад. Перешли через реку Оку примерно в 130 километрах от Коломны.

Только от переправы повёл Димитрий войско своё на юг, отклоняясь лишь немного к востоку.

В пути подошли ещё полки к войску Димитрия. Привёл их храбрый Ольгердович, князь Андрей, из Пскова. Вместе с ним пришёл и другой Ольгердович, князь Димитрий, с брянскими и трубчевскими воинами.

5 сентября Димитрий был с конницей у берега Дона, против устья Непрядвы-реки.

Прискакали из дозорных полков Пётр Горский и Карп Алексин.

— Мамай стоит уже на Дону,— говорили дозорные.— До Кузьминой гати дошёл. Ожидает к себе Ягайла и Олега.

— А силы сколько у него?

— Силы мамаевой, княже, и перечесть нельзя.

Задумался князь. Сошлись брови на челе, но твёрдо легла рука на рукоять меча.

Посылать велел гонцов к полкам, что шли к Дону: Пусть скорее идут, пока не успел соединиться Мамай со своими приспешниками.

Знал Димитрий, что Мамаю осталось ещё три перехода до Непрядвы, а его полкам оставалось только два.

Как приказал князь, так и сделали.

7 сентября сошлось всё воинство русское на берегу Дона, против устья Непрядвы-реки.

Успел великий князь опередить врагов своих. День и ночь без отдыха шло войско Димитрия, сделав переход свой в тринадцать дней. Никому и никогда ещё не приходилось так быстро вести стопятидесятитысячную рать.

Опоздай полки Димитрия только на один день, и ему пришлось бы вести бой против объединённых сил врага.

Твёрдо помнил Димитрий Иванович, что у Мамаю сил вдвое больше, чем у него. Помнил о том и решил обеспечить себе перевес.

Всё учёл, всё продумал, ведя свои полки на смертный бой.

Настал час готовиться к битве, и решил биться с врагом Димитрий Иванович на поле, которое он сам выберет.

Собрал великий князь всех своих воевод на совет в вечерний час.

Притихло в тот вечер русское войско, зная, что решается судьба родины.

Перед русскими был тихий Дон, за Доном—Мамай. Серебрилась вдаль Непрядва. В прозрачной вечерней тишине чуть доносилось посвистывание куликов с задонских просторов, окаймлённых Непрядвой и Доном. Даже ветер притих в речных камышах.

Держал Димитрий совет с воеводами.

Говорили Ольгердовичи, и им вторил воевода Волынский Боброк:

— Если хочешь боя крепкого, вели сегодня же переходить через Дон. Пусть без хитрости бьётся всякий, пусть не думает о своём спасении, а глядит, как муж, смерти в глаза. А что, говорят, у Мамаия силы велики, то что на них смотреть.

— Надо здесь ждать врага,—говорили иные.— Итти через Дон нельзя. Думать надо ведь и о том, что будет, если перейдём Дон и нас, от чего боже сохрани, потеснит Мамай. Как тогда через Дон отходить? Ратнику биться не гоже, зная, что река у него за спиной. Пусть идёт Мамай через Дон, встретим здесь его. Удержим себе путь назад.

Молчалив был Димитрий. Внимал спокойно речам воевод. А когда стихли речи, поднялся и молвил:

— Друзья и братья! Ведайте, что привёл я вас не за тем, чтобы реку Дон стеречь. Привёл я рать, чтобы землю Русскую от пленения и разорения избавить или голову свою за всех положить. Смерть честная лучше, чем худая жизнь. Краше было б не итти против поганных, чем притти и стоять, ожидая, когда враг сам нападёт на нас. Не буду ждать врага, пойду навстречу ему. Ныне же — за Дон!

Либо там победим и всё от гибели сохраним, либо сложим головы свои. Один нам путь остался! Вперёд, за Дон!

Под покровом ночи полки стали переходить через Дон на правый берег.

Прискакали в тот час дозорные из-за Дона, где уже рубились с врагом сторожевые отряды Семёна Мелика. Доносил князю Димитрию Мелик:

— Все силы тёмные, силы всех князей своих Мамай ведёт на нас. Правым берегом идёт вверх по Дону, дошёл уже до Гусинога Брода. Только ночь, одна между нашими и их полками. Нападёт на нас завтра несметная сила Мамай. Готов будь к бою, княже!

IV

Тёмным покровом покрыла сентябрьская тёплая ночь землю.

С воеводой Боброком Волынским поехал князь Димитрий выбирать поле для боя.

Славен был Боброк-воевода. В долгие зимние вечера рассказывали ратники московские, суздальские и нижегородские, как ходили они вместе с Боброком в 1376 году за Волгу, к Казани. Вышли тогда казанцы русским навстречу. Стреляли из луков и самострелов.

Рассказывали ратники, как выезжали казанцы в бой на верблюдах: думали, что устроятся кони русские невиданной верблюжьей рати. Вспоминали, как тогда из города невиданный гром пустили, страха русское воинство. Да не привело всё это ни к чему. Победил Боброк, загнал в Казань и лучников и верблюжатников и сдать заставил. Пришлось казанцам на мир, постыдный для них, итти, да ещё заплатить великий для тех дней выкуп — пять тысяч рублей.

Таков был крепко закалённый в боях Боброк Волынский, что ехал рядом с князем Димитрием на боевом коне.

Ночной туман прикрывал казавшееся бескрайним Куликово поле. Чуть серебрились во тьме узкие ленты Непрядвы и Дона. На северном берегу реки Смолки только намечались вершины рощи Зелёной дубравы.

Видел князь Димитрий, что воинам его с Куликова поля, будь что будет, а отступить не придётся.

— Смерть или победа! — сказал князь Боброку.

Решил Димитрий перегородить своими полками дугу Дона и Непрядвы. От ручья Смолки, что у Зелёной дубравы, решил поставить полк левой руки. По середине поля выбрал место большому полку, а от большого полка до ручья Нижний Дубяк должен был стоять полк правой руки. Решил князь иметь в тылу своей рати овраги и обрывы речные, чтобы не мог враг обойти с края и ударить его войско в бок или в тыл. Выбрал поле для битвы так, чтобы трудно было развернуться вражьи полкам.

Впереди решено было поставить — как бывало всегда в боях того времени — сторожевой полк, а сзади, за всеми полками, — запасный.

Долго стояли князь Димитрий и Боброк Волынский да порешили ещё хитрость одну применить — увести отборный засадный полк и скрыть его за густой зеленью дубравы, что была на левой руке сзади Смолки-реки.

В народе сохранилась легенда про ту ночь, когда Димитрий с Боброком объезжали поле Куликово, готовясь к битве. Говорили люди, будто был Боброк не только воин великий, но и вещей человек. Наивная фантазия народа наделила Боброка волшебными свойствами. Говорили, что открыл он тогда князю приметы, по которым узнал тот, что его ожидает.

Остановились будто князь Димитрий и Боброк посреди поля Куликова.

— Оборотись, княже, — сказал Боброк, — оборотись к вражьей стороне и слушай!

И услышали будто с той стороны князь и Боброк крики

воинов и стук мечей, трубные звуки и завывание волков, карканье воронов и клёкот орлов.

И спросил тогда Боброк Димитрия:

— Что слышишь?

— Страх и гроза,— ответил князь.

— А теперь,— сказал Боброк,— обратись, княже, в нашу, русскую сторону и скажи, что слышишь?

— Не слышно ничего,— ответил князь.— Великая тишина стоит над Русской землёй. Только будто видно мне зарево от великих огней.

Сказал тогда Боброк Димитрию:

— Добрые то приметы, за нами будет победа:

Великое тогда испытание пришлось выдержать русским людям, и наделил народ героев своих вещими чертами. В древней Руси народ толковал по-своему, наивно, события тех грозных дней, когда против каждого русского стояло двое супротивников, ещё не знавших ни от кого поражения. Так передавал народ про дела той ночи, когда в её черной гъме загался враг.

«Бысть тьма великая тогда по всей земле»,— говорит летописец.

Настало утро восьмого сентября тысяча триста восьмидесятого года.

Под покровом густого тумана стало строиться войско русское. Заняли полки свои места. Большой полк, в который влились основные силы, приведенные Димитрием, стал по середине поля под великим стягом князя Димитрия. Во главе полка правой руки стоял князь Андрей Ольгердович, а во главе полка левой руки — князя Белозерские. Заняли указанные Димитрием места передовой и затыльный полки. В тумане неприметно отвели Боброк и князь Владимир Андреевич Серпуховской свой засадный полк за Зелёную дубраву.

Расставляя свои полки, князь Димитрий всё рассчитал, всё учёл. В надёжные руки испытанных военачальников и воинов вверил он великое дело ратное.

Пригрело солнце, стал таять туман:

Засверкал на солнце меч Димитрия. В последний раз перед битвой объезжал он полки, призывая лечь костями, но не дать врагу поганить землю Русскую.

Ещё и ещё раз проверил всё перед боем князь, а проверив, велел дать себе одежду простого воина. Первым стал он в первом ряду, чтобы показать воинам своим, как надо бить врага.

Верен был Димитрий Иванович древнему обычаю: быть князю впереди и первым открывать бой.

Одежду княжескую одел его любимец Бренк и стал под великим стягом великокняжеским в большом полку.

Как туча, спускалась с холмов несметная рать мамаева. Стеной шли враги. Середину боевого порядка занимала пехота. На плечи шедших впереди воинов положили задние длинные копыя свои. Сверкающие острия сливались в сплошную завесу, через которую, казалось, нельзя было никому прорваться.

На обоих крыльях, с правой и левой руки, шла прославленная степная конница, сметавшая всё на своём пути.

Далеко в тылу, на высоком Красном холме стоял Май. Перед ним расстилалось поле Куликово, Дон и Непрядва, виднелись задонские дали. Грозный хан надеялся обратить в бегство русские полки.

Сошлись уже близко войска и приостановились. Как говорит предание, выехал тогда из вражьи рядов богатырь, роста невиданного, силы неслышанной. Вызывал богатырь на бой храбреца, достойного померяться силой с ним. Грозен был вид богатыря.

— Кто пойдёт против меня?! Выходи на бой!

Не сразу нашёлся среди русских воин, отважившийся на единоборство.

Но вот навстречу богатырю поскакал монах Троицкого монастыря Пересвет.

На всём скаку налетели друг на друга. Зазвенела сталь, пали оба замертво.

Увлекая воинов своих, ударил Димитрий первым на врагов.

Говорит певец древней «Задонщины» про славу победителя Донского:

«То не ястребы и соколы, и не кречеты белые, перелетев быстро за Дон, ударили на многие стада гусиные и на лебединые. То наехали князья русские и богатыри на великие силы татарские и ударили копьями харалужными о доспехи татарские. Загремели мечи булатные о шеломах ханские на поле Куликове, на речке Непрядве».

Направил сперва силы свои Мамай на середину русской рати. Стойко встретил передовой полк могучий натиск.

«Ломались тогда копьё, как солома,— говорит летописец,— падали стрелы дождём, закрыла пыль солнце, молниями сверкали мечи. Падали люди, как трава под косой, лилась кровь, как вода, и ручьями текла».

Прошли столетия, но певцы славы русской не раз возвращались к этому грозному часу, когда решалась судьба родины. Рылеев в 1825 году в своей «Думе» о Димитрии Донском писал:

...Рек Димитрий на челе полков, —
— Умрём, когда судьба судила!! —
И первый грянул на врагов.
Кровь хлынула — и тучи пыли,
Поднявшись вихрем к небесам,
Светило дня от глаз сокрыли,
И мрак простёрся по полям.
Повсюду хлещет кровь ручьями;
Зелёный побагровел дол:
Там русский поражён врагами,
Здесь пал растоптанный монгол.
Тут слышен копий треск и звуки,
Там сокрушился меч о меч,
Летят отсеченные руки,
И головы катятся с плеч.

На Куликовом поле Мамаю негде было развернуть свою конницу. Правильно выбрал русский князь место для боя. Сорвался удар врага, направленный в центр русской рати.

сорвался загом и испытанный приём его — обойти крылья и противника, ударив с фланга и в тыл. Русские полки левой и правой руки упирались в овраги и обрывы Смолки и Дубяка.

Велик был численный перевес врага, стремительно врзавшегося в строй большого полка. Но прорвать строй его всё же не под силу было врагу. Сдержали русские воины ураганный натиск татарской рати, убит был только Бренк.

Мужественно бились русские воины передового полка.

Славно рубился и полк правой руки во главе с князем Андреем Ольгердовичем. Полк этот не только не дал теснить себя, но и сам теснил врага.

Зато трудно пришлось полку левой руки. Видя, что середина и правый фланг твёрдо стоят, бросил Мамай против левого фланга русских все силы, что держал он в запасе для подмоги в бою. Отражая сильный натиск врага, полк левой руки истекал кровью. Жестокая сеча была у большого полка и полка правой руки, но такой, какая вспела у полка левой руки, ещё не было на поле брани.

«Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского с нечестивым царём Мамаем», сложенное в XV веке, говорит:

«Звонят доспехи злачённые, стучат щиты червлённые. Гремят мечи булатные, блистают сабли острые около голов молодецких. Льётся кровь богатырская по сёдлам кованым, и катятся шеломы позлащённые коням под копыта».

Таяли ряды полка левой руки. Убиты были князья Белозерские, стоявшие во главе полка. Всё стремительнее и упорнее стали теснить здесь русских вражьи конники, готовясь ударить в бок и погнать рать русскую. Но там, где навалилась самая грозная сила врага, там князь Дмитрий со своей ратью приготовил внезапный удар для неё.

Притаился за Зелёной дубравой засадный полк.

— Беда великая! — уж давно говорил молодой князь Владимир Андреевич Боброку. — Кому пользу несёт наше стояние? Ударим, теперь же ударим на врага!

— Великая беда, княже,— отвечал Боброк.— Великая беда, да ещё не настал наш час. Кто не в пору начнёт, тот приносит себе беду. Помолчим и постоим ещё, пока не придёт нужный час. Ударим тогда на врага.

Горячились люди, горячились и кони. Боброк удерживал их порыв.

Всё неистовее обрушивался враг на воинов полка левой руки. Разгорячённые удачей, враги врубались в русские ряды, били уже и в лоб, и в бок, и в тыл, охватили левое крыло русской рати и наступали, становясь спиной к Зелёной дубраве.

— Час наш настал! — закричал тогда Боброк — Поднимайтесь, люди русские! Бейте насмерть врага!

— За Русь! За родную землю!

Дрогнули листья дубравы от могучего крика засадного полка. Вихрем налетели конники, ударили в тыл зарвавшимся врагам. Смешался вражеский строй, воспрянули новой силой залитые кровью русские воины. Безудержно вспыхнула сеча от Смолки до Дубяка.

— Беда нам! — закричали ордынцы.— Русь перехитрила нас. Худых мы побили, а лучшие теперь обрушились на нас!

Дрогнули ордынцы, дрогнули и побежали. Куда девалась сила несметная Мамай? Было войско отменное, стало — толпа. Врезались в неё русские, били вправо и влево, били в лоб и тыл. Бросали оружие ордынцы, ища спасения в бегстве. Настигали их русские, и снова взлетали мечи. Не было отступления, было бегство.

С высоты Красного холма увидел всё Мамай. Увидел и понял, что осталось одно — бежать, бежать неистово, без оглядки.

Бросил Мамай войско своё и первым ускакал.

Кто успел, за ним бежал, оставив оружие и доспехи, ещё больше ордынцев легло костями. Летописцы говоря, что полегло в тот день на поле брани из рати Мамай ст пятьдесят тысяч.

До самой реки Красивой Мечи преследовали и истребляли русские воины тех, кто отважился покуситься на Русскую землю. И с той поры поняли русские люди, что они могут скинуть с себя татарскую неволю.

Славил своего героя, своего вождя вся русская рать. С Ягайлом воевать не пришлось: как узнал о великой битве, сам бежал. Убежал в Литву и Олег-предатель.

Шло к Москве русское войско, а перед ним слава шлепала.

От Дона до Кремлёвской стены встречал народ своих победителей. Славил воинов, славил воевод. А больше всех славил князя Дмитрия Ивановича.

К Куликову полю вёл он рать как великий князь, а в Москву вернулся как Дмитрий Донской.

Так назвал народ победителя, чья его заслуга великую перед русским народом.

* * *

Мужественный образ Дмитрия Донского и его ратные подвиги не забыты потомками. Прошли столетия, но слава о Дмитрии Донском, нанесшем смертельный удар по врагу, не померкла.

7 ноября 1941 года в речи на Красной площади в Москве товарищ Сталин назвал имя Дмитрия Донского в числе имён других великих предков наших, вдохновляющих доблестных бойцов Красной Армии в борьбе с полчищами немецко-фашистских захватчиков. Недалеко то время, когда наша героическая Красная Армия окончательно уничтожит грабительские орды гитлеровцев, как в своё время храбрая русская рать князя Дмитрия Донского уничтожила орды хана Мамай, посягнувшего на землю Русскую.

30 коп.

Подписано в печать 4 ноября 1945 г. Объем $\frac{1}{2}$ печ. л.
319. Тираж 250000 экз. Заказ № 2809. Цена 30 коп.

Типография «Огни Сталина», Москва, ул. «Правды», 24.